

БОЛЬШЕ 30 лет работы на комбинате входит в трудовой стаж Г. В. Валинского, инженера-конструктора проектно-конструкторского отдела. Несмотря на то, что он перешагнул тот возрастной рубеж, после которого уходят на заслуженный отдых, Геннадий Викторович работает и сейчас — расстаться с комбинатом, которому отдана большая часть жизни, ему нелегко. За внешней его мягкостью — строгость, дисциплинированность, принципиальность в оценке труда. И прежде всего — своего. Наверное, поэтому уже в течение пяти лет ему доверяют один из самых сложных участков работы комитета НК комбината — организационный отдел.

— Рассказать о себе... — задумчиво повторил мой вопрос Геннадий Викторович. — Знаете, это не так просто. Честно говоря, ничего особенного в моей жизни не было. Когда меня просят рассказать о себе, о сражениях, в которых мне довелось участвовать, даже какое-то чувство вины в душе появляется: ну, что тут интересного расскажешь. Таких, как я, было большинство. Просто солдат.

Да, таких, как он, в годы войны было большинство. Но в том и необычность его обычной по тем суровым военным временам судьбы — мальчишки, со школьной скамьи ушедшего на фронт. Он закончил школу весной 1941 года.

— Война перечеркнула все наши планы, — вспоминает Геннадий Викторович. — Я собирался поступать в радиотехнический институт. И сразу все рухнуло. Отца мобилизовали буквально на следующий день. Ему тогда было уже около пятидесяти, на фронт его не взяли, он служил на формировочном пункте. Ну, а мы с ребятами из нашего класса отправились «штурмовать» военкомат. Мы хотим из нас еще не было 18 лет, и нас просто отослали домой. Но мы надежды не теряли. Каждый день ходили. У меня тогда был друг — Петя Анпилов. И мы с ним надумали поступить в аэроклуб. Но его взяли, а меня — нет. Не прошел по зрению.

Сколько их, мальчишек, вчерашних выпускников школы, обивали пороги военкоматов, всеми правдами и неправдами стремясь попасть на фронт. Но вот досада — нет 18 лет, и те-

бе говорят: «Подожди, еще не дорос».

И снова бесконечные дни ожидания, снова настырные визиты к военкому. В ноябре 41 года ему исполнилось 18. Чтобы не терять времени даром, он пошел на комбинат, на курсы токарей. Но проучился недолго — наконец-то пришла повестка. Через три месяца

ло за этот короткий срок успеть так замаскировать машины, чтобы противник не мог заметить их с воздуха.

Его боевой путь начался под Харьковом. Фашисты рвались к Сталинграду, их основной удар был нанесен именно здесь, на харьковском направлении. Дни отступления запомнились Геннадию Викторовичу, как са-

ров и бойцов в том, что они сумели сберечь почти все орудия, и в полной боевой готовности занять новые позиции, откуда нам предстояло перейти в наступление.

Так, в тяжелых фронтных буднях, солдатским потом и кровью добывалась Победа. Так шла война. И это не воспринималось как нечто особенное, нет, просто люди выполняли трудную, смертельно опасную работу. Потому что знали — от этого зависит вся их будущая жизнь, а если для кого-то из них никогда не настанет это «завтра» — будут жить их родные, их близкие. Будет жить их Родина.

— После Сталинграда были бои за Одессу, Яско-Кишиневская операция, освобождение Румынии, Венгрии, Болгарии, Австрии. Но здесь уже было намного легче, морально в первую очередь — мы наступали, гнали фашистов на Запад. Теперь, спустя много лет, я часто вспоминаю своих боевых друзей, пытаюсь проанализировать события тех дней. Конечно, было нелегко. Полк постоянно в движении, часто приходилось забывать и об отдыхе, и о еде. Но было то, что помогало пережить и трудности, и горечь потерь — духовная близость тех, кто рядом с тобой. Боевое братство не только помогало выжить — оно сохранило в нас веру в жизнь, в людей, закалило волю.

Не раз потом и в мирное время его выручала фронтная закалка, помогла победить тяжелый недуг, вернуться в строй.

В 1952 году выпускник горно-металлургического института, молодой инженер Г. В. Валинский вновь пришел на комбинат, с которого 10 лет назад мальчишкой уходил на фронт. Начался следующий этап жизни, продолжилась его трудовая биография. Но память о дорогах войны крепка.

И сегодня коммунист Валинский находится на передовом рубеже трудового фронта. В качестве инженера он много делает для технического перевооружения комбината. А в качестве члена комитета народного контроля предприятия Геннадий Викторович прилагает много усилий в борьбе с проявлениями бесхозяйственности, выступает за рачительный подход к делу. Гвардии рядовой Валинский — в строю.

В. ВОРОБЬЕВА.

ГВАРДИИ РЯДОВОЙ

подготовки рядовой Геннадий Валинский отбыл по месту назначения — в 51-й гвардейский минометный полк.

— Наш полк был не совсем обычным, — рассказывает Геннадий Викторович. — Мы обслуживали знаменитые «катушки». Нашей задачей было нанести мощный удар по врагу и быстро вывести из-под ответного удара свою технику. Сделать это было непросто. Немцы охотились за «катушками». Буквально через считанные минуты после залпа над нашим расположением появлялась их авиация. Нужно бы-

мый тяжелый период его фронтовой жизни. Бесконечные бои, переправы через реки под непрерывным артиллерийским огнем, гибель друзей...

— Отступали, казалось, бесконечно долго. Горько было отходить, оставлять врагу землю, которую не смогли, не сумели защитить. Но даже в те тяжелые дни никто из нас ни на секунду не усомнился в том, что мы все равно выстоим, победим. За все время отступления наш полк ни разу не был в окружении. Нам удалось в основном сохранить боевую технику. И я считаю, огромная заслуга наших команди-

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ

С суровыми военными буднями соприкоснулись учащиеся СГПТУ № 77, читая фронтовые письма и воспоминания участников войны. Они пришли во Дворец культуры имени Ленинского комсомола на встречу с ветеранами.

А. КОЛИКОВ,
ветеран войны и труда.

В СОРОКОВЫЕ ОГНЕВЫЕ

На всю жизнь запомнились президиум, и главный, неповторимый, долгожданный — День Победы.

Слух об окончательной победе, о том, что войне конец, разнесся еще 8 мая. Он был высчитан по сводкам, по подробным сообщениям о вступлении наших войск в Берлин. Не прекращались звонки в редакцию, какое-то массовое предчувствие охватило и нас. Но по радио звучали обычные передачи, сообщения с фронта.

Вечером народ стихийно повалил на площадь к проходной. Мы тоже бродили в толпе, ожидающей главного сообщения. «Видим — люди идут — и мы пошли», — говорили встретившиеся знакомые. Часу в двенадцатом площадь опустела, я и Коломиец протиснулись в трамвай. Нас никто не обязывал приходить сюда и ждать до ночи. Но Алексей Дмитриевич, постоянно отмечавший на многострадальной карте продвижение войск, освобожденные города, читавший фронтовые сводки «между строк», сказал: «Все равно — уже конец войне, увидите — завтра объявят».

Утром, 9 мая, когда пришла долгожданная весть, и день объявили выходным, весь город хлынул на улицы. Погода выдалась удивительная: тепло, солнечно, первая зелень опушила деревца. Первомайские флаги и плакаты еще украшали улицы, появились и новые. Из распахнутых окон неслись песни, встречные поздравляли друг друга. В редакцию мы явились, хотя могли и не приходить. Взяли несколько откликов, информации с цеховых митингов и разошлись. Меня подхватили знакомые, потом незнакомые, потом мы очутились в индивидуальном доме начальника третьего мартовского цеха за столом. Потом поощрил, смеющийся, плачущий, гомонящий город внезапно умолк: все слушали выступ-

ление т. Сталина, объявленное по радио заранее.

И снова — стихийные гуляния, музыка и танцы в парке металлургов, поздравления и застолия. Но пьяных не было — были счастливые люди, была «радость со слезами на глазах».

А с 10 мая начались будни, осянные великим всенародным торжеством, и нельзя было расслабиться — предстояла нелегкая пора восстановления и нового, стремительного роста. А мы, как всегда, обязаны оставаться «впередсмотрящими».

Запомнился торжественный час, когда нам в зале горкома КПСС вручили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Очень дорога была для нас эта награда, мы носили медали, гордясь тем, что наша доля, внесенная в общий подвиг, не осталась незамеченной. Поймут ли наши дети и внуки, как согревают нас, как оживляют нашу память юбилейные медали в ознаменование Победы?

И еще было торжество — уже нашего коллектива — выход тысячного номера «Магнитогорского металла». Я храню приказ директора ММК Г. И. Носова, в котором отмечен и мой труд, да еще выделена денежная премия и отрез на костюм — неслыханная роскошь в ту пору! Радость нашу разделила обществу, рабкоры, и праздник удался на славу. Военная страда была уже позади, вспоминала самые трудные дни, мы говорили только о хорошем, отвешивая тяготы, словно их и не было — такое свойство памяти, отбирающей для будущего лишь доброе и разумное.

Н. КОНДРАТКОВСКАЯ,
ветеран труда и Магнитки, заслуженный работник культуры РСФСР.
Корреспондент «Магнитогорского металла» в годы войны.

мают с него сапоги, куртку, ведут босого по снегу. Допрос, концентрационные лагеря...

Не хочу рассказывать Александра Васильевича обо всем этом. Серая тень на его лице, судорожные движения рук... Нет, не надо рассказывать, достаточно одной этой горькой фразы. С этого дня не было уже Александра Кузнецова. Сначала у него появился лагерный четырехзначный номер. Потом он стал Станиславом Козловским — глухонемым поляком родом из Варшавы, по вере — католиком, по профессии — батраком. Чуть позже его стали звать «Сашкой-летчиком».

После побега из концлагеря, в лодзинском подполье Кузнецову пришлось учиться не только польскому языку и языку жестов. Здесь он научился бою на земле. Кузнецов возглавил одну из диверсионных групп. 1 мая 1943 года он и его польские товарищи пустили под откос первый вражеский эшелон. А десятью днями раньше прямо под носом у жандармерии, по центральной улице Лодзи, переминувшей гитлеровцами в Адольфгитлерштрассе, подпольщики во главе с Сашкой-летчиком вывозили оружие из немецкого склада и оружейного магазина.

Дальше события развивались молниеносно. 6 мая начались повальные аресты — выдал провокатор, затаившийся в рядах подпольщиков. В гестапо попадает друг Кузнецова, вместе с которым он совершил побег из неволи, Аркадий Воронцов. Кузнецов вынужден был уйти вместе с диверсионной группой в Псарские леса. Они не знали, что около дома лесничего их ждала засада. Только шестерым из восемнадцати партизан удалось спастись. С простреленным левым плечом ушел и командир.

В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ фильме «Суровая память», рассказывающем о подвиге народного героя Польши А. В. Кузнецова, запечатлена встреча Александра Васильевича с ксендзом собора, в котором 8 мая сорок третьего года спас от погони гитлеровцев. Во время

этой встречи через два десятилетия священнослужитель сказал Кузнецову: «В тот час тебя мать божья спасла». Засмеялся Александр Васильевич: вряд ли стала бы она спасать его — коммуниста-атеиста. Конечно же, не потусторонняя сила отвела от него смерть, а огромная воля к жизни, желание бороться с врагом, чувство безмерной ненависти к фашистам.

А тогда, восьмого мая, раненый Кузнецов с трудом перебрался через соборную изгородь, сумел отыскать ход в подвал, где хранился гроб со святыми мощами, лег в этот гроб и пролежал в нем несколько часов. Ксендз видел его и молчал. К тому времени цена головы Сашки-летчика возросла уже до 30 тысяч марок — об этом оповещали вывешенные чуть ли не по всей Польше объявления. «Русский партизан, русский бандит» наводил ужас на гитлеровцев, он преследовал их всюду, как злой рок. Под Бартниками вновь созданный отряд Сашки-летчика пустил под откос воинский эшелон, на автострадах хозяйничал тот же «русский Сашка». Во время одной из операций Кузнецов был ранен. За бриллианты, добытые подпольщиками, лечил его в Варшаве хирург центрального госпиталя для эсэсовцев.

И «Сашка-летчик» выжил, и опять начал свою партизанскую деятельность, теперь уже в городе Прушков. Жангармы этого города сблизил с ног, разыскивая штаб партизанского движения, а он находился всего через дом от гестапо.

А КТО же он такой, Сашка-летчик? Обыкновенный человек, не богатырь какой, не великан, но, как заметил Константин Белоус, тоже бывший узник концлагеря, есть у него огромная сила организатора, главная цель жизни которого — борьба. «Бороться» — слово это не сходило в те суровые дни с уст каждого поляка, каждого человека, оказавшегося в тылу врага. Александр Васильевич вспоминает случай, как однажды к

нему пришел молодой поляк и попросил оружие. Будто у Кузнецова был свой склад оружия. Кузнецов отправился с молодым поляком на «свой склад» — в одном из переулков встретили гитлеровца и обезоружили его. Таким образом добывал себе средство для борьбы каждый в отряде Кузнецова. И с этим оружием люди шли в бой.

К лету сорок четвертого в окрестности «красной столицы» города Баранова каратели и жандармы боялись и нос сунуть. От Варшавы до Люблина не функционировала железная дорога, ее «оседлали» партизаны. И партизанская республика росла.

Но один день, самый радостный, самый яркий, запечатлелся в памяти Александра Васильевича особенно отчетливо. 26 июля 44-го года. Прибыл верховой, привез радостную весть о приближении советских танков. Народ, услышав такое известие, валом валит к месту, куда должны прибыть наши солдаты. И вдруг! Летит по автостраде тачанка. На козелке — паренек лет пятнадцати, чуб развеивается, на груди звезда. Залобуешься! Остановился. С сиденья полковник спрашивает, где отыскать Сашку-летчика. Кузнецов — вперед: вот, мол, я. А в глазах гостя разочарование: «Ты тот самый Сашка-летчик? А все говорят, что ты громил». «Так громил не потому, что ростом велик, а потому, что лихо громил фрицев», — так объяснить бы полковнику. Да разве до объяснений — радость такая: наши пришли. В тот день стал снова Кузнецовым вчерашний Сашка-летчик. А вместе с именем вернулись к нему Родина и родной дом.

... Слышу, как в прихожей захлопнулась входная дверь. — Хорошая у нас детвора, — говорит Кузнецов, входя в комнату. — И очень любознательная. Это полезно: будущие хозяева нашей страны должны все знать о ее прошлом.

Т. ТРУШНИКОВА.